

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1451-1460
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1451

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the Issue of State Social Policy for the Disabled People During the First World War in Russian Historiography: Was the State a Real Subject of Social Aid?

Alexander S. Kovalev ^{a, *}, Nikolai R. Novosel'tsev ^a, Dmitry V. Rakhinsky ^{a, b, c}, Nikita N. Ravochkin ^{d, e}

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russian Federation

^c Krasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation

^d Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Russian Federation

^e Kuzbass State Agricultural Academy, Russian Federation

Abstract

The article is a continuation of the study devoted to the problems of the formation of social assistance to war invalids in 1914–1917, considered in modern Russian historiography. As the analysis of most publications shows, their authors claim that during the First World War in Russia, a full-fledged state social policy was developed in relation to disabled soldiers who were injured at the front. Meanwhile, individual charitable actions of the imperial family, private individuals, self-government bodies, public organizations in the regions are issued for "state" actions. However, theoretical ideas about social policy and social protection allow us to conclude that the state in 1914–1917 was not yet ready to become a full-fledged subject of social assistance to the disabled population, since there was no working social legislation in the country, social guarantees were not established for military personnel from the lower ranks, the interaction of state bodies with zemstvo and city organizations, charitable societies and institutions did not imply the existence of real mechanisms for cooperation foremost from the government. Therefore, speaking about the state social policy during the First World War, one can state absence of such, but at the same time find an attempt to create a new, more effective system of social assistance, in which both state and non-state subjects of social assistance would take part. This new practice of assistance was already distinguished by the gradual professionalism increase of humanitarian activities, by the assistance to the disabled person in his adaptation instead of traditional material assistance. However, its ideological and value orientations were not formed during this period, the state still did not play a key role, and the system of social assistance itself was unable to overcome the framework of public relief and private charity.

Keywords: history of social aid, charity, World War I, state social policy, disability, war invalids.

1. Введение

В предыдущем номере журнала «Былые годы» была опубликована статья «К вопросу о государственной социальной политике в отношении инвалидов в годы Первой мировой войны в российской историографии: проблемы численности и идентификации» (Kovalev et al., 2022), в которой нами рассматривался вопрос, являлась ли категория «инвалиды войны» в 1914–1917 гг. особой группой нуждающихся и объектом отдельного внимания со стороны как государственных и негосударственных субъектов социальной помощи. Проведенное исследование позволило идентифицировать инвалидов войны как отдельную группу нуждающихся и прийти к выводу, что в период Первой мировой войны ее инвалиды требовали несколько иного по сравнению с близкими по

* Corresponding author

E-mail addresses: alexkovaleff@yandex.ru (A.S. Kovalev), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (N.R. Novosel'tsev), sirdar@mail.ru (D.V. Rakhinsky), nickravochkin@mail.ru (N.N. Ravochkin)

статусу больными, ранеными и увечными военнослужащими отношения со стороны государства и общества. Поэтому настоящая статья, являясь продолжением этого исследования, ставит целью ответ на вопрос, являлось ли государство в период Первой мировой войны реально действующим субъектом социальной помощи и можно ли говорить о том, что в 1914–1917 гг. в стране реализовывалась государственная социальная политика в отношении инвалидов войны.

2. Материалы и методы

Исследование опирается на опубликованные документы, нашедшие отражение в сборнике, посвященном повседневной жизни Сибирского региона в период Первой мировой войны ([Когда..., 2014](#)), позволившие изучить особенности открытия курсов слесарей для инвалидов в Томске в конце 1916 – начале 1917 гг., роль государственных и общественных организаций в этом процессе, а также включает анализ Устава Чесменского и Измайловского инвалидных домов Императора Николая I ([Устав..., 1996](#)), приводимого авторами одной из публикаций по теме исследования, на предмет релевантности источника как содержащего доказательную базу для представленных выводов по проблеме.

Основными принципами исследования стали: 1) принцип историзма, предполагающий различие между прошлым и настоящим и соблюдение исторического контекста и позволяющий отделить современное понимание государственной социальной политики от его исторических «аналогов» в прошлом и интерпретировать происходившие в годы Первой мировой войны события в собственных критериях этого прошлого; 2) принцип объективности, являющийся определенной установкой на получение знаний о развитии процессов социальной помощи, адекватных тому, что происходило в стране в 1914–1917 гг., и связанный со стремлением свести к минимуму противоречия между интерпретациями государственной социальной политики в отношении инвалидов войны в изучаемый период с опорой на научные факты.

В исследовании применялись следующие методы исторической науки: а) ретроспективный – ориентированный на познание исторической сущности государственной социальной политики через понимание ее проявлений на более высокой ступени развития, дошедших до современников; б) сравнительный – выступающий способом познания специфики государственной социальной политики в отношении инвалидов войны через сопоставление ее проявлений с базовыми характеристиками на основе метода аналогии; в) идиографический – описывающий реальное участие государства и прочих субъектов социальной помощи инвалидам на основе объективных фактов; г) историко-критический – способствующий получению достоверной информации через сопоставление выводов о характере социальной помощи инвалидам войны со стороны государства в период Первой мировой войны, сделанных представителями разных направлений в отечественной историографии.

3. Обсуждение

Перечень публикаций, в которых ставится вопрос о государственной социальной политике в отношении инвалидов войны, представлен работами С.В. Букаловой, И.А. Еремина, А.С. Ковалева, О.В. Леоновой, П.А. Меркулова, А.А. Смирновой, М.А. Смирнова, К.А. Тишкиной, М.В. Шиловского, П.П. Щербинина и др. ([Kovalev, 2021](#); [Merkulov et al., 2021](#); [Букалова, Щербинин, 2020](#); [Еремин, 2006](#); [Смирнова, Смирнов, 2018](#); [Тишкина, 2018](#); [Шиловский, 2015](#); [Щербинин, 2005](#)). Подробный анализ их трудов уже был представлен в соответствующем разделе в предыдущей статье. Ниже в тексте мы подробно остановимся на некоторых из них, полемизируя с их авторами по поводу того, было ли государство ведущим субъектом социальной политики и какую роль играли прочие ее акторы. При этом следует особо оговорить, что мы уважительно относимся к авторской позиции каждого исследователя и наша с ними дискуссия носит исключительно научный характер. Фактически эта публикация призвана до конца раскрыть суть проблемы, обозначенной в предыдущей статье: насколько государство действительно защищало интересы такой существенной категории нуждавшихся, как инвалиды войны.

4. Результаты

Вообще, ответственность за социальную помощь инвалидам войны в период крупномасштабных военных конфликтов должно нести именно государство. Призывая в ряды армии представителей гражданского населения, оно тем самым фактически берет на себя риски утраты этими людьми жизни и здоровья. Как пишут П.А. Меркулов, С.В. Букалова и О.В. Леонова, «средств к существованию и привычного места в социальной иерархии» инвалиды лишились «по вине государства» ([Merkulov et al., 2021: 394](#)). В связи с этим мысль о том, что в 1914–1917 гг. должна была реализовываться государственная социальная политика в отношении инвалидов войны, в целом правильная.

С.В. Букалова и П.П. Щербинин справедливо говорят о том, что «построение общегосударственной системы помощи инвалидам войны есть масштабный и затратный процесс» ([Букалова, Щербинин, 2020: 154](#)). В связи с этим возникает важный вопрос: можно ли считать мероприятия, направленные на ее создание и реализацию в годы Первой мировой войны, государственной социальной политикой. В отечественной историографии ответ на него практически

всегда однозначный – в пользу того, что эта политика появилась именно в годы Первой мировой войны, активно реализовывалась в течение 1915–1916 гг. и государство было ее ведущим субъектом. Однако подобное утверждение, на наш взгляд, требует серьезного критического анализа.

Прежде всего стоит вспомнить, что такое государственная социальная политика, и определить ее основные характерные черты. Под социальной политикой обычно понимают систему конкретных мер, направленных на жизнеобеспечение населения. Эти меры могут предпринимать самые разные субъекты – государство, негосударственные объединения, предприятия и организации, частные лица. Когда же речь идет о государственной социальной политике, то предполагается, что она: 1) финансируется из государственного бюджета; 2) целенаправленно реализуется органами власти на общегосударственном, региональном и местном уровнях; 3) предоставляет нуждающимся в помощи четко установленные социальные гарантии (т.е. основанный на государственном обязательстве устойчивый доход); 4) действует в социальной сфере в соответствии с установленными правовыми нормами, регулирующими предоставление социальных гарантий; 5) опирается на широкую общественную поддержку.

Соответственно, традиционными методами влияния государства на развитие социальной сферы являются: принятие законодательных и правовых актов в области социальной помощи населению; прямые государственные расходы на решение конкретных социальных проблем; обязательные социальные гарантии, чаще всего выражающиеся в социальном страховании и пенсионном обеспечении; координация деятельности прочих субъектов социальной помощи.

Для того чтобы понять, насколько реальной была государственная политика в отношении инвалидов войны в 1914–1917 гг., попробуем выяснить, кто реально ее оказывал: центральные или региональные органы власти, благотворительные общества или частные лица.

Говоря о государственном управлении в годы Первой мировой войны, стоит вспомнить, что в этот период чрезвычайные полномочия получил Совет министров, происходило расширение компетенции генерал-губернаторов, имевших самые широкие права при решении любых вопросов на местах. Параллельно с государственными органами власти действовали Земский и Городской союзы – буржуазные организации, появившиеся в 1914 г. с целью помощи больным и раненым воинам. Фактически это были органы самоуправления, а самоуправление означает способность осуществлять какие-либо функции без вмешательства внешней власти.

Для координации деятельности отдельных ведомств в период войны были созданы «особые совещания» – чрезвычайные правительственные учреждения, которые власть рассматривала в качестве противовеса общественным организациям. Стоит напомнить, что также были организованы особые совещания по обороне, топливу, продовольствию, перевозкам. Все они были подотчетны царю, а их распоряжения были обязательными для исполнения всеми государственными органами, общественными организациями и отдельными гражданами.

Особые совещания были призваны координировать действия в экономической области, и, наверное, не совсем уместно было бы упрекнуть власть в том, что в сферу их деятельности не входило решение социальных вопросов. Однако именно в условиях, когда заметно усилился поток возвращавшихся с фронта инвалидов, наличие подобного органа публичной власти, распоряжения которого неукоснительно соблюдались бы на местах и способствовали более эффективной социальной заботе об этой категории населения, свидетельствовал бы, что в стране действительно реализуются меры государственной социальной политики.

И.А. Еремин пишет о том, что помощь в трудоустройстве инвалидов оказывали «попечительные о раненых и больных воинах комитеты», но это были не государственные, а общественные, благотворительные организации, деятельность которых еще не говорит о системе государственной социальной политики. Далее он указывает, что к решению проблем «увечных воинов» подключились министерства и ведомства, которые пытались найти возможности их трудоустройства. Это уже ближе к государственной «составляющей», но опять же не говорит о том, что министерства и ведомства создали систему социальных гарантий для инвалидов войны. Открытие курсов для обучения портняжному, сапожному, переплетному и прочим ремеслам – всего лишь одно из направлений социальной политики (Еремин, 2006: 32).

Еще одним субъектом помощи И.А. Ереминым называется «Особая комиссия по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших во время настоящей войны, а также их семей». И здесь очень важно понять статус этой организации. Комиссия была образована 8 января 1915 г., и в ее обязанности входили разработка и осуществление мероприятий по трудоустройству пострадавших военнослужащих, а также дополнительное снабжение одеждой тех, кто возвращался в строй. Таким образом, речь идет о тех нижних чинах, кто еще не стал полным инвалидом.

М.В. Шиловский пишет, что сами инвалиды, вернувшиеся с фронта, занимались пчеловодством, но для этого им вряд ли требовалось государственное участие. В Иркутске комитет Союза городов проводил вечер в пользу инвалидов-фронтовиков, собрав больше 2 тыс. руб. В Томске и Новониколаевске в 1916 г. для инвалидов начали строить специальные дома, «в фундамент поместили медную закладную доску, с указанием, что Дом инвалидов строится “Обществом

увековечения памяти героев великой мировой войны»» (Шиловский, 2015: 118, 159, 211), т.е. субъектом помощи снова выступала общественная организация, а не органы власти.

К.А. Тишкина среди субъектов помощи инвалидам называет Сибирское общество для подачи помощи раненым. После призыва со страниц газеты «Жизнь Алтая» население Барнаула «приносило для прибывавших инвалидов продукты (свежеиспеченный хлеб, пельмени, ветчину, колбасу, чай, сахар)». Члены местного кружка дам духовного звания давали инвалидам в дорогу «кульки с гостинцами (булки, кренделя, чай, сахар, масла, полотенца и др.)». В январе 1916 г. на средства жителей Енисейской губернии начали строить «Дом инвалидов», рассчитанный на 100 человек. При городской лечебнице для инвалидов открылось бюро труда. Наконец, Алтайский губернский союз увечных воинов выдавал инвалидам разовые пособия и ссуды, содержал санаторий, общежития с мастерскими (Тишкина, 2018: 103-105, 109-110, 113-114, 151, 183).

Очевидно, что все эти меры предпринимались опять же благодаря стихийной общественной инициативе без участия со стороны государства. При этом речь не идет даже о том, чтобы правительственные или местные органы власти были активными субъектами социальной помощи: государство даже не выполняло ни организационных, ни координирующих, ни контрольно-надзорных функций – инвалиды были фактически предоставлены сами себе.

П.А. Меркулов, С.В. Букалова и О.В. Леонова отмечают, что в России еще в 1912 г. был принят закон «О призрении нижних воинских чинов и их семейств», который будто бы гарантировал «со стороны государства удовлетворение минимальных потребностей солдатских семей и вводящий пенсии для военных инвалидов», ибо «потерявшим на войне здоровье и трудоспособность полагалась пенсия..., размер которой для нижних чинов составлял от 30 до 216 рублей в год» (Merkulov et al., 2021: 394, 396). Но, по мнению этих авторов, закона 1912 г. было недостаточно: «На повестке дня стояло принятие закона, регламентирующего предоставление инвалидам *всех (выделено нами – авт.)* видов помощи», а земские деятели настаивали, что «помощь инвалидам войны должна быть организована “не на началах благотворительности, а как учреждение государственное – с определенным кругом прав и обязанностей и ответственностью за их исполнение”...» (Merkulov et al., 2021: 396).

Увы, но такой нужный акт так и не был принят, и благотворительная деятельность в государственную с «определенным кругом прав и обязанностей и ответственностью» не превратилась. В связи с этим вызывает недоумение вывод, к которому приходят указанные авторы: «В годы войны сложился определенный алгоритм выстраивания государственной социальной политики в отношении... инвалидов» (Merkulov et al., 2021: 399). О какой государственной социальной политике можно говорить, если общероссийский закон о социальной помощи принят не был, права инвалидов Первой мировой определены не были, обязанности и ответственность государства не установлены, а все учреждения, которые помогали инвалидам войны, были общественными или благотворительными, а помощь нередко шла от частных лиц?

П.П. Щербинин указывает: «...На совместном совещании врачей союза городов и земств, проходившем 14–15 июля 1916 г., было отмечено, что в отношении помощи увечным воинам за время войны было сделано очень мало» (Щербинин, 2005: 230-231), масштабы инвалидизации потребовали «нового уровня» решения проблемы оказания социальной помощи, и, «...по мнению земцев, помощь... должна была составлять обязанность государства» (Щербинин, 2005: 230-231), но «система государственной социальной политики по отношению к увечным защитникам Отечества серьезно отставала от требований времени» (Щербинин, 2005: 230-231).

Противоречивые суждения о государственной социальной политике в отношении инвалидов содержатся в исследовании С.В. Букаловой и П.П. Щербинина: они утверждают, что «участие Российской империи в Первой мировой войне стало значимым этапом становления государственной социальной политики», но в то же время пишут, что «инвалиды не могли довольствоваться благотворительной помощью и требовали систематической поддержки со стороны государства» (Букалова, Щербинин, 2020: 149).

Крайне спорным является следующее утверждение этих авторов: «Характерной чертой государственной политики... было то, что общественное призрение развивалось как организованная благотворительность “сверху”, филантропическая инициатива царской семьи. Финансовую основу деятельности... составляли... личные взносы членов царской семьи, частные пожертвования» (Букалова, Щербинин, 2020: 149).

Во-первых, общественное призрение – это модель социальной помощи, исторически предшествующая модели государственной социальной политики, которую прежде всего отличает то, что государство берет на себя все расходы по материальному обеспечению нуждающихся (Подробнее о разных моделях социальной помощи см., например, Фирсов, 2005). Во-вторых, авторы сами пишут о благотворительности как о филантропической инициативе царской семьи. Однако в этом случае речь должна идти не о том, что царская семья олицетворяет собой власть, в этой ситуации представители императорской фамилии выступают всего лишь как частные лица. В-третьих, в продолжение предыдущей мысли, частные пожертвования членов царской семьи, конечно же, не могут считаться государственным финансированием социальной помощи.

При этом в своем исследовании С.В. Букалова и П.П. Щербинин подтверждают, что на самом деле системы государственной социальной помощи инвалидам войны в стране не было: «Изначально государство не имело четкого представления о необходимых формах помощи военным инвалидам... Общеимперского плана помощи военным инвалидам разработано не было... Исполнение задач на местах предполагалось возложить на городские и земские управления..., эта сфера подлежала ведению земских и городских учреждений... По мере продолжения войны и умножения числа ее жертв все отчетливее стала ощущаться необходимость построения общегосударственной системы поддержки инвалидов войны, которая бы упорядочивала территориально и организационно все необходимые формы призрения» (Букалова, Щербинин, 2020: 151).

Таким образом, очевидно, что государство, вступая в тотальную войну, не озаботилось тем, что в ее ходе появятся инвалиды. К слову сказать, когда начнется Великая Отечественная война, у советского правительства руки до инвалидов тоже дойдут только к концу осени 1941 г., а плановая помощь начнет оказываться лишь с 1942 г. Вероятно, у государства на первом этапе масштабной войны стоят совсем иные приоритеты, что, впрочем, не снимает с него ответственности за своих инвалидов.

Можно предположить, что государство, вступая в мировую войну, ориентировалось на уже существовавшие меры помощи нуждающимся, которые «работали» в схожих условиях и были вполне эффективными. В самом деле, не только уже упоминавшийся закон 1912 г., но и опыт призрения нижних чинов в период Русско-японской войны (пусть даже в 1904–1905 гг. государство разделило свою ответственность с обществом) доказывали, что нужные механизмы для обеспечения нуждающихся солдат, вернувшихся с фронта инвалидами, есть и они работают. И в этой связи снова уместно провести параллели с Великой Отечественной войной: в 1920–1930-х гг. был проведен целый комплекс мер, направленных на социальную защиту солдат Красной Армии, и уже в период начавшейся Второй мировой войны, летом 1940 г., был принят закон «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям». Тем не менее около полугода потребовалось советской власти, чтобы понять, что требуется новый разворот в государственной социальной политике в отношении инвалидов войны. Впрочем, если бы большевики не отрицали так яростно опыт царской России и уделяли бы больше внимания истории Первой мировой войны, то сразу бы поняли, с какими проблемами столкнулись субъекты социальной помощи в 1915 г.

Далее речь как раз пойдет о деятельности прочих субъектов социальной политики в отношении инвалидов войны в 1915–1916 гг. Так, Земский и Городской союзы были готовы взять на себя все дело призрения жертв войны «при широком общественном содействии», однако только на государственные средства». Для этого была нужна четкая, работоспособная система координации деятельности и взаимодействия власти и органов самоуправления, сотрудничество благотворителей с государственными ведомствами, но дальше совещаний, составления планов, обсуждения законодательных инициатив дело не пошло.

Даже если где-то и было организовано результативное взаимодействие го-сударства, органов самоуправления и общественных организаций, например в европейской части России, стоит вспомнить, что не все города вошли в Союз городов, а в некоторых губерниях земств не было вовсе. К примеру, действие Положения о губернских и уездных земских учреждениях 1864 и 1890 гг. на Сибирь не распространялось вплоть до 1917 г. О какой государственной социальной политике в этом случае можно говорить?

Что касается городских союзов, то, как пишут С.В. Букалова и П.П. Щербинин, со временем Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, и вовсе предложил устранить их от развертывания системы помощи военно-увечным, оставив им лишь экспертные функции (Букалова, Щербинин, 2020: 152).

Что касается участковых попечительств, то, по мнению указанных авторов, создаваемые при уездных управах участковые попечительства должны были «обеспечить всесловное общественное участие в помощи обездоленным» (Букалова, Щербинин, 2020: 155). Но вряд ли можно говорить о возможности помощи такого рода в государстве, где сословность в принципе еще не была уничтожена.

Другой заслугой, которая приписывается «системе» государственной социальной политики 1914–1917 гг., традиционно считается взаимодействие государства и местного сообщества. В том, так ли это было на самом деле, поможет разобраться следующая ситуация.

В начале января 1917 г. директор Томского технологического института И. Бобарыков обратился с ходатайством к попечителю Западно-Сибирского учебного округа об организации при институте слесарных курсов для инвалидов войны, частично потерявших трудоспособность. Он и его коллега, профессор Т. Тихонов, решили организовать при мастерских Томского технологического института слесарные курсы для инвалидов. Они составили смету расходов, включив в нее содержание учащихся, оплату преподавателей, приобретение материалов и инструментов, необходимого инвентаря. Однако сумма оказалась значительной – 11 980 руб. в год, и тогда подвижники решили сократить расходы за счет переоборудования механических мастерских и лабораторий института,

а размещение и содержание учащихся-инвалидов предложили взять на себя Томскому отделу Сибирского общества помощи раненым воинам. Общество же ответило, что готово взять на себя размещение и содержание курсантов, если и ему будет сразу перечислена сумма 5 400 руб. независимо от числа обучающихся. Обо всем этом директор Томского технологического института сообщил в Петроград. Министр народного просвещения разрешил открыть слесарные курсы и даже распорядился выдать 17 380 руб., но поскольку случилось это перед самой Февральской революцией 1917 г., выдача средств вплоть до ноября того же года происходила со значительными перебоями, хотя официально заявлялось, что неоплаченных счетов по содержанию курсов не имеется (Когда..., 2014: 266-270).

О чем свидетельствует эта история? В самом деле, преподавательскую «инициативу снизу» поддержала благотворительная организация, что во многом говорит о наличии отдельных элементов гражданского общества. И когда благотворители обращаются в Министерство просвещения, оно находит возможным распорядиться об открытии курсов и выделить требуемую сумму для их обустройства. Тем самым действительно можно говорить о том, что между государственными органами, благотворительными организациями и частными лицами на местах существовало определенное взаимодействие. Однако, насколько оно было результативным, могло ли стать эффективным, к сожалению, по отдельному случаю сказать не получится, тем более что, когда курсы для инвалидов войны в Томске были открыты, страна стала совсем другой.

А.А. и М.А. Смирновы пишут о целой «системе» социальной помощи инвалидам, обосновывая свою позицию тем, что в период Первой мировой войны происходило «взаимодействие власти и общественности». По их мнению, о наличии планомерной государственной социальной политики в отношении инвалидов войны также говорит тот факт, что в стране «появляется множество общественных организаций (медицинские, благотворительные и спортивные общества), в которых одним из направлений деятельности было оказание помощи инвалидам», при этом они будто бы «осуществляли различные [государственные] законодательные акты» (Смирнова, Смирнов, 2018: 628).

Во-первых, это само по себе довольно сомнительное утверждение, поскольку с точки зрения теории государственного управления реализацией законодательных актов занимаются специально создаваемые для этого органы публичной власти, а никак не общественные организации. Во-вторых, к таким актам почему-то относятся, например, документы «О покровительстве Александровского комитета раненых», устав Чесменского и Измайловского инвалидных домов Императора Николая, Устав Общества попечения о раненых и увечных воинах. При этом в этих «законодательных» актах были якобы установлены «права, обязанности, ответственность субъектов и объектов взаимодействия, а также основания их деятельности» (Смирнова, Смирнов, 2018: 628). Хотя даже самый поверхностный анализ «Устава Чесменского и Измайловского инвалидных домов Императора Николая I» (Устав..., 1996: 231-232) позволяет сказать, что ничего подобного в нем не содержится. Да и сам Устав инвалидного дома – это, конечно же, свод правил, регулирующих организацию и порядок деятельности учреждения, но никак не государственный законодательный акт.

Также А.А. и М.А. Смирновы заявляют, что в Вятской губернии в период 1914 – начала 1917 гг. существовал не иначе как «комплекс социальных и экономических мер, направленных на реабилитацию и адаптацию инвалидов и на улучшение их благосостояния» (Смирнова, Смирнов, 2018: 629). Этот «комплекс», который явно должен свидетельствовать о том, что государство является одним из субъектов государственной социальной политики, называется авторами даже не общественным призрением, не социальной помощью, а ни больше ни меньше «социальной защитой инвалидов». Здесь стоит напомнить, что общепринятая трактовка социальной защиты (Воронин, 2015: 755) предполагает наличие прежде всего государственных мер, направленных на оказание помощи и поддержки гражданам, пострадавшим от социальных рисков. Предоставление социальной защиты должно регулироваться государственным законодательством, а основным его видом выступает социальное обеспечение. Прочие меры могут выступать лишь как дополнительные и предприниматься только на временной или разовой основе на уровне местных органов власти, а также общественными и благотворительными организациями. Социальная защита опирается на устанавливаемые государством обязательства минимальной материальной помощи и поддержки. Чаще всего это конституционные гарантии, и в этом случае мы обнаруживаем противоречие, поскольку основного закона в его истинном смысле в самодержавном государстве на тот момент не было. Поэтому иные меры, как, например, содержание в специализированных учреждениях или оказание благотворительной помощи, еще не говорят о наличии системы социальной защиты.

Почему-то отнесены к сфере «социального обеспечения» и мероприятия, направленные на сбор пожертвований для инвалидов войны (Смирнова, Смирнов, 2018: 630), в то время как таковой относится к благотворительности, но никак не может быть включен в систему «социальной защиты», отражающей принципы государственной социальной политики, если только он не инициирован самим государством. Так, например, будет обстоит вопрос с «советской благотворительностью» в 1920-х гг., когда большевистское государство управляло квазиобщественными организациями, привлекая «сознательное население» к решению проблем инвалидов.

По мнению А.А. и М.А. Смирновых, «объединенные усилия государства и общества позволили создать современную для того исторического периода инфраструктуру помощи инвалидам» (Смирнова, Смирнов, 2018: 631). Из самого исследования явно не следует, что подобная инфраструктура была создана, но даже если допустить, что она действительно появилась, почему в таком случае на нее в дальнейшем не стало опираться советское правительство? Конечно, всегда можно попенять последнему, что оно отказалось от всех достижений дореволюционной России, однако это далеко не так: практика социального обеспечения в первые годы после гражданской войны показывает, что большевики отчасти продолжили начавшуюся до них модернизацию социальной сферы (Kovalev, 2021).

Нередко авторы, характеризующие общественную инициативу в деле помощи инвалидам, преувеличивают реальную готовность представителей общественности. Вот простой пример: летом 1915 г. Томское горное управление запросило информацию с мест о возможности трудоустройства инвалидов войны, частично потерявших трудоспособность. Докладные записки окружных инженеров из Енисейской губернии (Когда..., 2014: 251-252) дают полное представление о том, кто и как помогал. Окружной инженер Красноярско-Ачинского горного округа сообщал, что рудники могут предоставить «некоторые должности в слесарном и электромеханическом цехах, но только специалистам, причем, если у просителя будет незначительная степень «увечности и поранения, а также специальность». Управления рудниками были готовы предоставить место смотрителя или караульщика, но в общем порядке, «если такое место окажется вакантным». Управление Солеваренным заводом – только в том случае, если вдруг кто-нибудь уволился из здоровых работников, для инвалидов войны «с ампутированной одной ногой или частью ноги» могло открыть «должности солевара и подварков, при условии знакомства с выработкой соли из соляных рассолов и при обязательном умении клепать, машинистов – при обязательном знакомстве с солеваренными и котельными работами и караульщиков». Но все эти должности были заняты, и в годы войны вряд ли кто-то собирался добровольно их оставить.

Докладная записка окружного инженера Енисейского горного округа о предоставлении вакансий инвалидам войны от 27 февраля 1916 г. сообщала: «[Золотопромышленники] ...проявляют весьма малую склонность пойти навстречу, опасаясь... возникновения новых обязательств, связанных с расходами... Наиболее значительные предприятия округа... отказались вовсе от приема увечных воинов». Только Общество Путиловских заводов нашло две вакансии сторожей и акционерное золотопромышленное общество «Драга» подыскало четыре вакансии на должности смотрителей, мастеровых на мелкие слесарные работы и караульных. Однако и они были рассчитаны на инвалидов «с потерей трудоспособности до 25 %» (Когда..., 2014: 251-252).

Следует вспомнить, что в обществе, где социальную политику действительно проводит государство, последнее следит за тем, чтобы за инвалидами закреплялись рабочие места: часть из них бронирует за свой счет, а также осуществляет надзорные функции в отношении предприятий, которые не выполняют предписаний в отношении занятости инвалидов. Конечно же, ничего подобного в годы Первой мировой войны не было.

5. Заключение

Таким образом, подводя итоги, следует сразу сказать, что как таковой государственной социальной политики в отношении инвалидов войны в 1914 – начале 1917 гг. не было. С.В. Букалова и П.П. Щербинин правы в том, что в годы Первой мировой войны «в Российской империи шел генезис системы помощи инвалидам войны» (Букалова, Щербинин, 2020: 157), но государственной социальной политики так и не появилось. Дальше определения «организационных основ этой системы, форм и видов необходимой помощи, механизмов финансирования» дело не сдвинулось, и «принять какой-либо законченный вид, выйти из состояния аморфных проектов и обеспечить надежной поддержкой жертв войны эта система не смогла». С.В. Букалова и П.П. Щербинин видят основную проблему в «неопределенности того, кто должен был стать основным партнером государства, «оператором» создания инфраструктуры помощи военно-увечным». Однако, как можно было увидеть, в представленных разными авторами исследованиях государство практически не появляется: все вопросы, связанные с помощью инвалидам войны, пытались решать органы самоуправления, общественные организации, частные лица. При этом сами авторы указывают, что это было связано с традиционной позицией монархического государства, боявшегося разделить свою власть с кем-то еще. Но если государство боится делегировать свои полномочия другим структурам, вряд ли оно способно организовывать, регулировать, координировать и контролировать какую-либо деятельность.

Следует также согласиться с С.В. Букаловой и П.П. Щербининым, что дело помощи инвалидам прежде всего следовало поставить «на твердую основу закона» (Букалова, Щербинин, 2020: 157), который бы установил права военных инвалидов и гарантии реализации этих прав со стороны государства. Именно отсутствие законотворчества, присущего государственной власти, свидетельствует о том, что государство старалось всячески избегать ответственности за решение социальных проблем инвалидов войны.

Проводимые мероприятия не ушли дальше планирования, совещаний по координации действий, разовых благотворительных акций. В то же время эта деятельность не соответствовала основным признакам, свидетельствующим о го-сударственном характере социальной политики. Инвалидам войны из числа нижних чинов не были предоставлены государственные гарантии, и основные заботы об инвалидах государство перекладывало на плечи общества, самоустраняясь от выполнения задач по общественному призрению. Реализация якобы «государственного» курса, предполагавшего подключение земств к решению проблем инвалидов, в отношении инвалидов не распространялась на всю территорию Российской империи – к 1914 г. земства существовали в 43 губерниях Европейской России.

Дело помощи инвалидам войны отличали крайняя бюрократизация и сложная схема финансирования наряду с бесконечными ходатайствами, отчетами, обязанностью подтверждать любые действия. Как показывает практика, когда существует подобная «система», до реальной помощи дело не доходит: все благие начинания «тонут» в ворохе бумаг, что во многом говорит о желании сделать все, чтобы выделяемые средства до получателя так и не дошли.

Фактически при анализе мер социальной помощи инвалидам в годы Первой мировой войны речь должна идти лишь о том, что в этот период в России была всего лишь предпринята попытка создать эффективную систему социальной помощи, которая по-прежнему не выходила за рамки общественного призрения и частной благотворительности. В то же время можно сказать, что это был первый шаг к оформлению классической модели социальной работы, похожей на ту, что уже делала первые шаги в Европе и США с конца XIX века, и основанной на взаимодействии разных общественных институтов в решении повседневных проблем нуждающегося населения. Для нее была характерна практическая помощь со стороны вчерашних благотворителей, постепенная профессионализация их деятельности, не просто случайная, хаотическая материальная или медицинская помощь, а содействие инвалиду в его адаптации к окружающей среде. В то же время ее концептуальные, идеологические, ценностные ориентиры так и не сформировались. Развитие этой модели было приостановлено революционными событиями, после которых основным и впоследствии, увы, фактически единственным субъектом помощи стало государство.

Литература

Букалова, Щербинин, 2020 – Букалова С.В., Щербинин П.П. «Хозяева увечного дела»: становление системы помощи военным инвалидам в Российской империи в годы Первой мировой войны // *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2020. Т. 25. № 187. С. 148-159.

Воронин, 2015 – Воронин Ю.В. Социальная защита / Большая российская энциклопедия. Т. 30. М., 2015. 767 с.

Еремин, 2006 – Еремин И.А. Западносибирский тыл России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.): Автореф. дисс. ... д-ра истор. наук. Барнаул, 2006. 44 с.

Когда..., 2014 – Когда рушились государства: судьба сибирской провинции в контексте Первой мировой войны: Сб. документов и материалов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. Т. 1. 319 с.

Смирнова, Смирнов, 2018 – Смирнова А.А., Смирнов М.А. Оказание социальной помощи инвалидам в период Первой мировой войны (опыт взаимодействия власти и общественных организаций) // *Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология»*. 2018. Т. 28. Вып. 4. С. 628-633.

Тишкина, 2018 – Тишкина К.А. Деятельность сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой и гражданской войн. Барнаул, 2018. 296 с.

Устав..., 1996 – Устав Чесменского и Измайловского инвалидных домов Императора Николая I / Военное законодательство Российской Империи (кодекс русского военного права). М: Военный университет, 1996. Вып. 10. С. 231-232.

Фирсов, 2005 – Фирсов М.В. История становления социальной работы в России: тенденции становления // *Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.*: Сб. науч. ст. / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга, 2005. С. 65-85.

Шиловский, 2015 – Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.

Щербинин, 2005 – Щербинин П.П. Особенности призрения военных инвалидов и членов их семей в России в XVIII – начале XX в. // *Вестник ВГУ. Серия «Гуманитарные науки»*. 2005. № 2. С. 230-231.

Kovalev, 2021 – Kovalev A.S. The Disabled and Elderly People in Prerevolutionary and Early Soviet Society: Formation of Disability Model in 1900–1938 // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2021. 14(8): 1239-1250.

Kovalev et al., 2022 – Kovalev A.S., Novosel'tsev N.R., Rakhinsky D.V., Ravochkin N.N. On the Issue of State Social Policy for the Disabled People During the First World War in Russian Historiography: Problems of Population and Identification // *Bylye Gody*. 2022. 17 (2): 1033-1040.

Merkulov et al., 2021 – Merkulov P.A., Bukalova S.V., Leonova O.V. Development of the Social Assistance System in the Russian Empire During the World War I. // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 392-403.

References

- Bukalova, Shcherbinin, 2020 – Bukalova, S.V., Shcherbinin, P.P. (2020) «Khozyaeva uvechnogo dela»: stanovlenie sistemy pomoshchi voennym invalidam v Rossijskoj imperii v gody Pervoj mirovoj vojny ["The masters of the mutilated case": the formation of a system of assistance to military invalids in the Russian Empire during the World War I]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 25(187): 148-159. [in Russian]
- Eremin, 2006 – Eremin, I.A. (2006). Zapadnosibirskij tyl Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (ijul' 1914 - mart 1918 gg.) [The West Siberian rear of Russia during the First World War (July 1914 – March 1918)]. Avtoref. diss. ... d-ra istor. nauk. Barnaul, 44 p. [in Russian]
- Firsov, 2005 – Firsov, M.V. (2005). Istorija stanovlenija social'noj raboty v Rossii: tendencii stanovlenija [History of the formation of social work in Russia: trends of formation]. Nuzhda i porjadok: istorija social'noj raboty v Rossii, XX vek [Need and order: history of social work in Russia, XX century.: collection of scientific articles]. Eds. P.V. Romanov, E.R. Yarskaya-Smirnova. Saratov: Nauchnaya kniga, pp. 65-85. [in Russian]
- Kogda..., 2014 – Kogda rushilis' gosudarstva: sud'ba sibirskoj provincii v kontekste Pervoj mirovoj vojny: Sb. Dokumentov i materialov [When states collapsed: the fate of the Siberian province in the context of the World War I: Collection of Documents and materials]. Tomsk, 2014. Vol. 1. 319 p. [in Russian]
- Kovalev, 2021 – Kovalev, A.S. (2021). The Disabled and Elderly People in Prerevolutionary and Early Soviet Society: Formation of Disability Model in 1900–1938. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 14(8): 1239-1250.
- Kovalev et al., 2022 – Kovalev, A.S., Novosel'tsev, N.R., Rakhinsky, D.V., Ravoch-kin, N.N. (2022). On the Issue of State Social Policy for the Disabled People During the First World War in Russian Historiography: Problems of Population and Identification. *Bylye Gody*. 17(2): 1033-1040.
- Merkulov et al., 2021 – Merkulov, P.A., Bukalova, S.V., Leonova, O.V. (2021). Development of the social assistance system in the Russian Empire during the World War I. *Bylye Gody*. 16(1): 392-403.
- Shcherbinin, 2005 – Shcherbinin, P.P. (2005). Osobennosti prizrenija voennyh invalidov i chlenov ih semej v Rossii v XVIII – nachale XX v. [Features of the charity of military invalids and their family members in Russia in the XVIII – early XX century]. *Vestnik VGU. Serija Gumanitarnye nauki*. 2: 230-231. [in Russian]
- Shilovskij, 2015 – Shilovskij, M.V. (2015). Pervaya mirovaya vojna 1914–1918 go-dov i Sibir' [The World War I of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk, 330 p. [in Russian]
- Smirnova, Smirnov, 2018 – Smirnova, A.A., Smirnov, M.A. (2018) Okazanie social'noj pomoshhi invalidam v period Pervoj mirovoj vojny (opyt vzaimodejstvija vlasti i obshhestvennyh organizacij [Rendering social assistance to the disabled during the First World War (experience of interaction between the authorities and public organizations)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija «Istorija i Filologija»*. 28(4): 628-633. [in Russian]
- Tishkina, 2018 – Tishkina, K.A. (2018). Deyatel'nost' sibirskogo obshchestva podachi pomoshchi bol'nym i ranenym voenam v gody Pervoj mirovoj i grazhdanskoj vojn [Activities of the Siberian Society for providing assistance to sick and wounded soldiers during the World War I and the Civil War]. Barnaul, 296 p. [in Russian]
- Ustav..., 1996 – Ustav Chesmenskogo i Izmajlovskogo invalidnyh domov Imperatora Nikolaja I [The Charter of the Chesmensky and Izmailovsky invalid homes of Emperor Nicholas I. Voennoe zakonodatel'stvo Rossijskoj Imperii (kodeks russkogo voennogo prava) [Military legislation of the Russian Empire (Code of Russian Military Law)], Moscow, Is. 10, pp. 231–232. [in Russian]
- Voronin, 2015 – Voronin, Y.V. (2015). Social'naja zashhita [Social protection]. Bol'shaja rossijskaja Enciklopedija [Great Russian Encyclopedia]. Moscow, Vol. 30, 767 p. [in Russian]

К вопросу о государственной социальной политике в отношении инвалидов в годы Первой мировой войны в российской историографии: было ли государство реальным субъектом социальной помощи?

Александр Сергеевич Ковалев ^{a, *}, Николай Рзавич Новосельцев ^a,
Дмитрий Владимирович Рахинский ^{a, b, c}, Никита Николаевич Равочкин ^{d, e}

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, Российская Федерация

^c Красноярский государственный аграрный университет, Российская Федерация

^d Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, Российская Федерация

^e Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, Российская Федерация

Аннотация. Статья является продолжением исследования, посвященного проблемам становления социальной помощи инвалидам войны в 1914–1917 гг., рассматриваемым в современной отечественной историографии. Как показывает анализ большинства публикаций, их авторы утверждают, что в период Первой мировой войны в России сложилась полноценная государственная социальная политика в отношении нетрудоспособных солдат, получивших увечья на фронте. При этом за «государственные» действия выдаются отдельные благотворительные акции императорской семьи, частных лиц, органов самоуправления, общественных организаций в регионах. В то же время теоретические представления о социальной политике и социальной защите позволяют сделать вывод о том, что государство в 1914–1917 гг. еще не было готово стать полноценным субъектом социальной помощи инвалидизированному населению, поскольку в стране отсутствовало работающее социальное законодательство, не были установлены социальные гарантии военнослужащим из числа нижних чинов, взаимодействие государственных органов с земскими и городскими организациями, благотворительными обществами и учреждениями не предполагало наличия реальных механизмов сотрудничества, в первую очередь со стороны правительства. Поэтому, говоря о государственной социальной политике в период Первой мировой войны, можно констатировать ее отсутствие как таковой, но при этом обнаружить попытку создать новую, более эффективную систему социальной помощи, в которой принимали бы участие как государственные, так и негосударственные субъекты социальной помощи. Эту новую практику помощи уже отличала постепенная профессионализация деятельности благотворителей, содействие инвалиду в его адаптации вместо традиционной материальной помощи, однако ее идеологические и ценностные ориентиры в этот период не были сформированы, государство все еще не играло ключевую роль, а сама система социальной помощи не сумела преодолеть рамки общественного призрения и частной благотворительности.

Ключевые слова: история социальной помощи, благотворительность, Первая мировая война, государственная социальная политика, инвалидизация, инвалиды войны.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alexkovaleff@yandex.ru (А.С. Ковалев), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (Н.П. Новосельцев), siridar@mail.ru (Д.В. Рахинский), nickravochkin@mail.ru (Н.Н. Равочкин)